

НЕДЕЛЯ 1-Я ВЕЛИКОГО ПОСТА,
ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

№ 333

5 марта 2017 г.

Вера для человека составляет величайшее, ни с чем не сравненное сокровище. Она – дар живой и небесный. Тысячекратно счастлив тот, кто сохранил веру; жалок и беден тот, кто ее расточил, потерял или легкомысленно уничтожил. Чтобы не потерять веру, для этого требуется от человека зоркая осторожность.

Люди, у кого есть сокровища и драгоценности земные, обыкновенно прячут их от похищения в безопасном месте, берегут за надежными замками. Запорами и оградой веры служат разнообразные христианские установления, правила и обычаи. Отцы и деды наши соблюдали веру; они берегли и набожно хранили православные установления. Мы же, их потомки, на разные христианские обычаи или смотрим холодно до пренебрежительности, или же совсем их зачеркиваем, как необязательные, вовсе бесполезные для нашей нравственной цели.

Укажем на некоторые довольно поразительные в этом случае явления.

Прежде всего укажем на общественное богослужение в дни воскресные и праздничные. В не очень далекие времена, на нашей памяти, не быть за обедней в воскресный и праздничный день считалось не только грехом, но стыдом и позором. В праздник все шли в церковь, не только взрослые, но и немощные старцы; младенцев несли на руках туда. Присутствие в храме Божием для наших предков составляло обязательнейшее из дел. Но теперь совсем иное. Не многие семьи могут заявить, что они безопустительно присутствуют на воскресных и праздничных богослужениях. Напротив, множество семейств может признаться в том, что под воскресенья и накануне праздников их члены совершенно свободно посещают целонощные зрелища, игры и забавы, после которых, разумеется, физическая усталость не позволяет даже и мысли об участии в общественной молитве. Да и что пользы такому богомольцу, который, не освободившись от груза всякого рода чувственных наслаждений, явился бы в церковь, где молитвы и песнопения полны задушевно умиленными просьбами о помиловании, о спасении души, об исцелении душ озлобленных, бедствующих и нуждающихся в Божией милости и Божией помощи? В храме Божием идет воскресная служба, к которой зовет громкий призыв колоколов, но этот призыв глухо отзывается в сердце беззаботных... Обычай пропускать воскресные и праздничные службы вошел в такую силу, что наше молодое поколение к нему привыкло. В глазах большинства это не кажется преступным, а между тем на самом деле с этим обычаем сломалась значитель-

ная ограда нашей веры. Не в диковинку встретить у нас так называемых ученых людей, которые позабыли уже главный состав наших общественных богослужений. Они путают молитвы литургийные с молитвами всенощной, путают числа праздников, забывают значение праздников. Таким образом, в делах православной веры некоторые бояре стали на одну линию с неграмотными простецами; и тот и другой в области Православия как в темном, безвестном лесу.

Другое учреждение церковное – посты. Тягостно даже говорить, во что они обратились во многих православных христианских семьях. Образовалось разделение столов и трапез: обеды скоромные, обеды рыбные, безрыбные. Это разделение само по себе уже есть раздробление взглядов и убеждений на установление поста. В суждениях об установлении поста слышится то явное, нескрываемое негодование на пост, который будто бы несовместен с духом свободы христианства, то какое-то снисходительное отношение к посту: одни не признают поста, другие измышляют свое деление поста, дают ему свой устав, третьи, желая не оскоромиться, пускаются в истинное сластолюбие – множеством разнообразных блюд стараются облегчить немощи свои... Трудно даже сказать, много ли найдем лиц, которые твердо держатся убеждения православно-христианского, что «не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем из уст Божиих» (Мф. 4:4). Легкомысленные воззрения на пост расшатывают его установления в православном обществе. Расшатывая пост, ослабляют самую веру. Известно, что, если неприятель, осаждая крепость, заметит в ней хоть маленькую брешь, он усилит все свои средства, чтобы нанести чрез это слабое место возможно больший вред всей крепости. Так и в делах веры: враг нашего спасения чрез ослабление поста в христианском обществе не преминет сделать более успешные нападения. После ослабления и нарушения нами поста что может препятствовать нам нарушить

и евангельские заповеди и так далее? Ведь все преступления начинаются с «малого» и уже потом опытною доходят до большего и ужасного: в морозный холодный день в несколько часов через открытое малое отверстие можно остудить самое теплое помещение. Так в тяжелое, смутное время постепенно совершается утрата религиозных начал: сперва отрицается малое, а потом больше, а потом уже все святое, благочестивое и священное.

Говорят, что хотя в наше время народ мало ходит в церковь, хотя мало или совсем не постится, зато в нашем обществе более, чем прежде, развит «дух христианства»; евангельские заповеди, проповедуемые Церковью отвлеченно, вошли в дух, цели и деятельности общества! Где же и в чем состоят плоды этой веры? Мы видим, что общественные и частные силы погружены в заботы о жизненных удобствах: всюду широкое требование, широкие и безграничные потребности, а отсюда – ненасытная жажда корысти, прибыли, барыша, всюду погоня за богатством, за добычей... Между тем заповедь евангельская ясна и проста: что пользы человеку, хотя бы он, если бы то было возможно, приобрел целый мир, а душу свою потерял (Мк. 8:36), душу, которую ему ничем не выкупить из вечных мук адских?

Далее, всюду нынче проповедуют гражданскую честность, а между тем то и дело слышится про лихоимство, про кражу общественных, государственных и казенных сумм! Христианство проповедует общую честь человеческую, оно просто говорит: живи своим, не бери чужого, не завидуй имущему, будь доволен тем, что имеешь по закону Божию и человеческому.

Далее, кому же неизвестны у нас расточительность и мотовство? С каждым ветром меняются моды платьев, уборов и нарядов. Кому неизвестно у нас искажение вкуса в забавах и развлечениях?! Это, разумеется, не признак усвоения нами веры, а те тусклые факелы, видя которые мы знаем, что сзади их шествует погребальная, печальная процессия...

Как бы ни было, а нам, православным христианам, не следует забывать и оставлять благочестивых обычаев своих отцов. Для этой цели теперь время самое благоприятное. Пост святой Четыредесятницы только что начался: можно попривыкнуть к добрым делам, если захотим. Пост – дело святое; в это время Церковь все свои меры употребляет для того, чтобы оживотворить нас верою и возбудить в нас чувство раскаяния и исправления.

Протоиерей Валентин Амфитеатров

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Святая Православная Церковь еще со времен апостольских совершенно точно и ясно говорит: «Кто не постится в святую Четыредесятницу, тот да будет отлучен от Церкви» (Апостольское правило 69). А между тем кто теперь среди нас соблюдает пост? Даже в религиозных, даже в церковных семьях совсем забыли об этой краеугольной заповеди христианской.

И это не со вчерашнего дня. С того момента, когда двести лет назад в православную, крепко сколоченную, прочно обоснованную русскую жизнь ворвались чужие струи, первое, что поспешили нарушить наши соблазненные новыми веяниями предки, была заповедь Церкви о посте.

И преподобный Серафим Саровский сто с лишним лет назад, видя ясным духовным оком эту червоточину в русской душе, несмотря на наружное величие, мощь и славу Русской державы тогда, недвусмысленно говорил: «Россия гибнет, потому что русские люди перестали соблюдать пост».

«Просвещенные люди» XX века отнеслись к этим словам как к чудачеству праведного старца, как к доказательству его узости и неразвитости. Несмотря на все встряски и переоценки, и среди нас многие к этим словам любимого святого склонны относиться так же. А между тем они глубочайшим образом серьезны и совершенно истинны. Православная Россия не погибла бы, всего кровавого ужаса наших дней не было бы, если бы русские люди не забыли пост.

Вдумаемся в смысл нашей жизни не с привычной земной, телесной точки зрения, а с Божией – вечной. Для чего мы живем? Чтобы наследовать вечность. Чтобы мы созрели до способности ее наследовать.

Для этого наша душа облечена в тело, а телу для жизни дается пища. Все это в плане Божиим подчиняется одной цели – служить величайшему процессу, для которого сотворена и существует вся вселенная. Пища служит телу, тело служит душе, а душа повинует Богу, Церкви и тем возвращает себе богоподобие, делается сонаследником Небесного Царства, соцарем с Богом (см.: Откр 5:10).

И вот весь этот Божий план, весь этот вселенский процесс нарушается, если иерархия переставляется, если душа начинает служить телу, тело начинает работать только для пищи, творя из нее куми-

ра, ничем не ограничивая ее велений.

Пост же бережет правильность иерархии отношений. Даже самый грубый, самый примитивный пост, с объединением грибными пирогами, с осетринами и балыками в дни, когда рыба разрешена. Потому что тело, пресытившись одним родом пищи, начинает требовать другого, – а вот я, душа моя, не повинуюсь этому требованию тела, ставит его на подбавающее ему подчиненное место, не по гигиеническим, не по экономическим соображениям, а по чисто духовным, по послушанию Церкви и Богу, отказываясь от того или другого рода пищи в определенные, Церковью установленные дни.

Многогранно значение поста. В нем некий дар, приносимый нами Богу от того, что Он дает нам, и таким образом постом благословляется, освящается, усваивается Богу вся наша телесная пища. В нем ограничение нашего тела и подчинение его духу. В нем упражнение в послушании Богу и Церкви.

И Сам Христос недаром говорит о темной сатанинской силе: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф 17:21; Мк 9:29). Потому в наше время и завладели бесовские силы так полно, так безраздельно миром, что человечество забыло, оставило пост.

Напрасно возражают некоторые: «Сейчас мы и без того голодаем. Это тот же пост». Нет, эта скудость пищи, этот голод по всей земле – не пост. Это Божие наказание за попрание поста. Для служения чреву, соблазненные угодничеством ему, люди попрали заповедь Божию, не захотели ничего приносить в дар Господу от Его дара, от своей пищи, сделали ее кумиром. И Божия рука без жалости сокрушает кумира. Кумиров Господь всегда безжалостно сокрушает, ибо Он ревливой любовью любит нас, наши бессмертные души, сотворенные Им для Своей бесконечной любви и вечной радости, а кумиры делают нас неспособными к этой любви и радости.

Посмотрите: когда люди хранили пост, они – примитивные, технические слабые – тем не менее пищу свою имели всегда в изобилии. А теперь, гордые безмерным могуществом своей техники и богатством всех сил и даров почти до конца покоренной природы, они не имеют куска хлеба, чтобы насытить свое чрево, поставленное ими во главу угла.

Но эта скудость, эта голодность не заменяет поста. В посте самое дорогое и единственно нужное для Бога – его добровольность, свободное желание человеческого духа исполнить заповедь Божию и принести Ему дар, отказавшись во исполнение этой заповеди от того, к чему стремится его тело. А подневольный пост нравственной ценности не имеет.

Насколько важна заповедь о посте, показывает то, что первой заповедью, данной Богом людям, была именно заповедь о посте Адаму и Еве, и все многовидное, многогранное зло, проросшее с

тех пор в человечестве, явилось последствием нарушения этой именно заповеди. Потому что, любя людей и желая, чтобы они любили Его, Господь знал, что любовь развивается от дел, от выполнения желаний любимого. Так и мы, когда постимся, оживляем этим свою душу, свои личные отношения с Богом, вводя в жизнь свою не теоретически, но практически выполнение Его повелений.

Если мы это хорошенько поймем и осознаем, для нас не будет уже казаться странным ни слово преподобного Серафима, ни апостольское правило, отлучающее от Церкви нарушителей поста.

И если в наше время по малодушию, по боязливости не звучит грозным торжественным прещением в храме такое отлучение, которое часто могло бы показаться лицемерием в устах архипастыря или пастыря, самого согрешающего против заповеди о посте, то Господень закон остается неизменным и неподкупным. И своими глазами мы видим, как люди, попирающие ту или другую заповедь Божию, за попрание которой уставы церковные полагают отлучение от Церкви, как будто сами отходят от церковной жизни, хотя официально и молчит отлучение. Это Божий Промысл лишает безграничного церковного счастья, неизмеримого церковного богатства тех, кто это счастье, это богатство не хочет, не умеет ценить.

Воспользуемся постом, оживим им наши души. «Постимся постом приятным, угодным Господеви. Истинный пост – удаление зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение от похотей, от злословия, ото лжи, от клятвопреступления. Воздержание от сего есть истинный пост».

И еще: «Постящеся, братие, телесне постимся и духовне, разрешим всякий союз неправды, расторгнем стропотная нуждных изменений, всякое списание неправедное раздерем. Дадим алчущим хлеб и нищия бескровныя (бесприютных) введем в дома, да примем от Христа Бога велию милость» (стихира на вечерне в среду 1-й Недели поста).

Архиепископ Нафанаил (Львов)

ИДИ В МИР, ПЛАТОНУШКА

Первый храм, в который я попал служить, в народе был прозван «храм с бутылочкой», по той причине, что там до революции размещалось Всероссийское общество трезвенников во главе с отцом Александром Рождественским. Общества трезвенников в храме не было, зато в него очень часто приходили греться с вокзала пьяные «бомжи», просившие хлеба и денег. Народ этот был иногда по-своему оригинален. Так, один из пьяниц часто подходил к распятию Иисуса Христа, падал на колени и с отчаянием в голосе просил: «Начальник! Хозяин! Прости!»

Храм был оригинален не только «бомжами», но и руководством. Там имелось сразу два настоятеля, и оба — с указами митрополита Иоанна. Третьего не было, так как, по слухам, его «съел» староста с сотоварищами.

Историю «съедения» очевидцы рассказывали в картинках. Староста Брюлев и его помощники были абсолютно нецерковными людьми, перепутавшими псевдопатриотические идеи с церковными. Поражала манерная «набожность» этого старосты. Креститься он почему-то начинал с темечка, закатывая при этом глаза под потолок.

Первый настоятель, бывший одновременно преподавателем семинарии, отец Стефан Дымша, тщетно пытался донести до старосты мысль, что настоятель является главным руководителем храма.

Видя, что никакие уговоры на него не действуют, он пошел, как говорится, ва-банк.

За воскресной Литургией, когда народу в храме было очень много, отец Стефан представил Брюлеву народу, но добавил при этом свое оригинальное истолкование: «Этот человек на ваши скудные лепты купил себе а-вто-мо-биль!»

Толпа возмущенных стащила с солей старосту, пронесла по храму и выбросила с высокого крыльца вон. Кто-то из его команды вызвал милицию. Отец Стефан в момент прибытия милиционера совершал обычное заочное отпевание. Милиционер сокрушенно подождал конца отпевания и спросил отца Стефана:

— Что? Уже скончался?

— Да, — ответил отец Стефан. — Вечная ему память, — и ушел в алтарь, куда милиционера не пустили.

Брюлев в то время, когда отец Стефан мирно отдыхал в пономарке, собрал толпу оголтелых «патриотов» и «шведской свиньей» ринулся в алтарь с криками:

— Где этот ватиканский выкормыш?

Бедный отец Стефан в отчаянии только кричал из алтаря:

— Караул! Убивают!

Из тех двух «одновременных» настоятелей, после отца Стефана, один все время призывал говорить проповеди против беззаконий в храме, но это только раздражало старосту, считавшего храм собственностью «общины», но не епархии.

Имея теплые отношения с местным РУВД, Брюлев навесил на храм замок и выставил охрану из милиции. Когда я приехал служить вечером, они с каким-то «священником» набросились на меня: «Маран афа! Будь проклят. Маран афа!»

— кричал «священник-заклинатель». Ничего не оставалось делать, как ехать в епархию, где еще продолжался прием посетителей.

Епархиальное руководство, во главе с митрополитом Иоанном, на нескольких машинах подъехало к храму, где «скакал» староста с «патриотами».

— Ты владыка или кто?! — кричали «патриоты» на архиерея. Местное РУВД, куда приехало все руководство Епархиального управления, долго не могло разобраться, кто главный по должности: митрополит или староста? Не добившись никакого результата, руководство вынуждено было уехать в епархию.

Ночью настоятель спилил замок, и утром мне пришлось служить Литургию с охраной из 12 семинаристов.

Сразу после прекращения атаки старосты настоятель как-то в алтаре спросил:

— А ты вообще-то у нас кто?

Не поняв глубокого смысла вопроса, я ответил, что знал по этому поводу:

— Вы с митрополитом записали меня сюда. Я не проявлял своей инициативы.

Неожиданно он сменил тему разговора:

— Тебе надо будет съездить со мною к старцу Николаю, на остров Залит, отвезти от владыки продукты, — приказным тоном скомандовал настоятель.

По пути к острову заехали в Печеры Псковские и встретились сразу с отцом Иоанном Крестьянкиным в дверях братского корпуса.

— Голубчики! За мной, на службу! — объял обоих батюшка. — Завтра обязательно приму, а сегодня к отцу Адриану сходите.

Увидев утром настоятеля с видеокамерой, отец Иоанн развеселился.

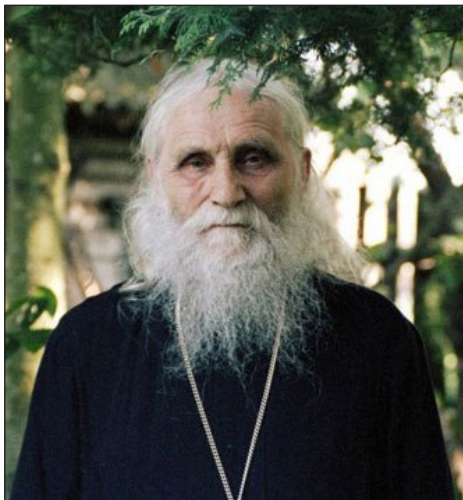
— Танечка! Что это у них такое?! Ах, это камера? Я уже был в одной камере. Немедля конфисковать камеру. А что, вы уже что-то сняли? Отца Адриана! А где он здесь? Вот в этот маленький глазок? Ага! Он. Что разбойник творит? Мыслимое ли дело — архиерея учить!? Опять разбойник заболевает. Ай-я-яй, опять заболевает!

Обернувшись в мою сторону, батюшка неожиданно спросил:

— А почему ты не в клобуке? Ты же иеромонах?

— Нету своего, давали на постриг в академии, — ответил я.

— Танечка! Это неже, это мы немедленно исправим. Неси сюда мой клобук скорее, а камеру в другую комнату конфискуй. А то я их знаю, разбойников. Давай и зеркало сюда, Танечка. Как хорошо, как хорошо! Ему идет. Гляди сюда в это зеркало. Я подержу, Танечка, зеркало сам.

Вот и носи во здравие души, — приговаривал отец Иоанн.

— По молитвам владыки доедете, хоть и дорога трудная, — напутствовал батюшка.

По озеру на лодке нас вез огромного телосложения чуть захмелевший местный рыбак.

— Рази от водки избавишься? Знамо дело, как охота! Тут одних лечиться к батюшке нашему вот так же вез. Раз хошь, то хоть кто не вылечит, даже и наш батюшка Николай не поможет.

К маленькому зеленому домику подошли уже совсем темно. Постучались. Дверь открыл старый батюшка с бледным лицом и реденькой белой бородой.

— Нету, нету. Ничего мне не надо. Продуктов и так не знаю кому раздать. От владыки? Ну, проходите хоть в избу. Священники, говорите? — тихим голосом спрашивал батюшка.

Выслушав все высказывания настоятеля, отец Николай попросил двух стоявших в избе бабушек взять обоих на ночлег.

Лежа на кровати, в теплой избе, в темноте, отец настоятель давал наставление:

— Отец Иоанн — это что! Вот отец Николай — прозорливец. Хотя батюшка Иоанн тоже по-своему старец. Ну, давай, спи, завтра сам убедишься. Я к нему уже не раз приезжал.

Рано утром отец Николай нас встретил со словами:

— С утра приходили ваши хозяйки, все мне говорят да толкуют. Ангели, говорят, вы, не люди. Да где они ангелов-то видели? Ангелев-то они и не видали. Ну проходите ближе. Да. Значит, священники. А вот каноны-то на каждый день читаете всегда? Да, говорите, не всегда. А когда? Плохо. Вот где грешники-то живут, — показал отец Николай на репродукции Страшного Суда места грешных в аду и добавил сокрушенно, — жарко там будет им.

Отец Николай замолчал и стал, не мигая, смотреть прямо мне в глаза, двигая постоянно губами. В его синих, бездонных, «космических» глазах невозможно было ничего прочитать и предугадать.

Вдруг он нагнулся под стол, достал оттуда трехлитровую банку, полную меда, взял в руку большую стальную ложку.

— Откройте рот, — скомандовал он мне и стал заталкивать огромную порцию меда в рот.

Эта процедура продолжалась три раза. Не успев проглотить все, услышал следующее:

— А у нас чаек есть, запейте. Ага. Теперь в туалетик пойдете, он почти в избе, в сенях он у нас.

Оказавшись в туалете, я вдруг сообразил: надо что-то спросить о себе, но что? Господи, вразуми! Ага, вот и мысль пришла.

— Батюшка! А я на своем месте? Может, к матери домой ехать, служить на родине? — задал первый свой вопрос.

Тихий до того батюшка резко повернулся и, махнув рукой куда-то сверху вниз, с силой произнес:

— Вы! На своем месте!

И из души ушел куда-то камень.

— Надо же, дышал в треть груди, а теперь так легко, — подумал я.

— Идите с Богом! Давайте Вас благословлю. Иди в мир, Платонушка! — хлопнул меня по спине старческой рукой два раза отец Николай, и мы вышли из его избы.

Игумен Николай (Парамонов)

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ С 6 ПО 12 МАРТА 2017 Г.

6 МАРТА ПОНЕДЕЛЬНИК	Прп. Тимофе́я, иже в Симво́лех	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ С ЧТЕНИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫ. ВЕЧЕРНЯ <i>/иерей Александр/</i>
7 МАРТА ВТОРНИК	Обретение мощей мучеников, иже во Евгении	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ С ЧТЕНИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫ. ВЕЧЕРНЯ <i>/иерей Александр/</i>
8 МАРТА СРЕДА	Сщмч. Полика́рпа, еп. Сми́рнского. Обре́тение мощей блж. Матроны Московской	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ С ЧТЕНИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫ. ВЕЧЕРНЯ с Литургий Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр, диакон Алексей/</i>
9 МАРТА ЧЕТВЕРГ	ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ОБРЕ́ТЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ С ЧТЕНИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫ. ВЕЧЕРНЯ с Литургий Преждеосвященных Даров <i>/иерей Андрей, диакон Алексей/</i>
10 МАРТА ПЯТНИЦА	Свт. Тара́сия, архиеп. Константинопольского	8:30 УТРЕНЯ. ЧАСЫ С ЧТЕНИЕМ ЕВАНГЕЛИЯ. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫ. ВЕЧЕРНЯ с Литургий Преждеосвященных Даров <i>/иерей Андрей, диакон Алексей/</i> 17:00 УТРЕНЯ. 1 ЧАС <i>/иерей Андрей/</i>
11 МАРТА СУББОТА	ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ Свт. Порфи́рия, архиеп. Га́зского	8:30 ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ СВТ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА. ПАНИХИДА <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ <i>/все священнослужители/</i>
12 МАРТА ВОСКРЕСЕНЬЕ	НЕДЕЛЯ 2-Я ВЕЛИКОГО ПОСТА. СВТ. ГРИГОРИЯ ПАЛА́МЫ, АРХИЕП. ФЕССАЛОНИ́ТСКОГО	8:30 ЧАСЫ. ИСПОВЕДЬ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ СВТ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО СОБОРОВАНИЕ <i>/все священнослужители/</i> 17:00 ПАССИЯ <i>/иерей Александр/</i>

МЫ ВИДИМ ГРЕХ, НО НЕ ВИДИМ ПОКАЯНИЯ

Судить о священнике только по его жизни или по тому, что видишь в его жизни, нельзя, потому что ты видишь внешность. Скажем, ты видишь, что он грешный человек, а разве ты видишь, как он плачет пред Богом, как он страдает о своем падении или о своей слабости? У меня есть тому очень поразивший меня пример.

У нас в Париже был священник, который отчаянно пил – не все время, но когда запивал, то запивал крепко. Я тогда был старостой, он приходил в храм на службы в таком виде, что качался на ногах, я его ставил в угол и становился перед ним, чтобы он не упал. Мне тогда было лет 20 с небольшим, у меня понимания было очень мало; мне его было жаль как человека, потому что я его любил, вот и все. Потом случилось так, что нашего приходского священника немцы взяли в тюрьму, и этого пившего священника попросили его заменить. Он тогда бросил пить; он служил. Я к нему пошел на исповедь сразу после того, как его назначили, потому что не к кому было идти. Я шел к нему с мыслью, что я исповедуюсь Богу. Священник, как говорится в увещании перед исповедью, только свидетель, значит, он будет свидетельствовать перед

Богом в день Суда о том, что я сделал все, что мог, чтобы сказать правду о своем не достоинстве, о своих грехах. Я начал исповедоваться, и я никогда не переживал исповедь, как в тот день. Он стоял рядом со мной и плакал – не пьяными слезами, а слезами сострадания, в самом сильном смысле со-страдания. Он со мной страдал о моей греховности больше, чем я умел страдать, он страдал всем страданием собственной жизни за мою греховность, и он плакал всю исповедь. И когда я кончил, он мне сказал: «Ты знаешь, кто я такой. Я не имею никакого права тебя учить, но вот что я тебе скажу: ты еще молод, в тебе есть еще вся сила жизни, ты все можешь осуществить, если только будешь верен Богу и верен себе. Вот что я тебе должен сказать...» И он мне сказал

многое истинное. На этом кончилась исповедь, но я никогда не забывал этого человека и то, как он смог надо мной плакать, будто над мертвецом, будто над человеком, который заслуживает вечного осуждения, если только не исправится.

А впоследствии я совсем иначе стал о нем думать. Он был молодым офицером во время гражданской войны. Во время отступления войск из Крыма он на военном судне уходил в Константинополь. На другом корабле были его жена и дети, и он видел, как этот корабль утонул. Перед его глазами утонули его жена и дети... Разумеется, люди, ничего не испытавшие подобного, но святоши, могут сказать: «А Иов? Он еще хуже страдал. Почему этот священник не стал подобен Иову?» Я одному человеку на это ответил: «Ты сначала испытай его горе, а потом будешь о нем судить». С тех пор, как я узнал о его трагедии, у меня никогда язык не повернулся осудить его за то, что он запил. Да, горе было такое, ужас был такой, – что он не выдержал. Но он остался верен Богу. Он остался священником, вернее, он стал священником для того, чтобы разделить с другими людьми их трагедию, их греховность и покаяние. Дай Бог нам больше таких священников».

Митрополит Антоний Сурожский